

УДК 111; 159.96

О. С. Борисов

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

ВСПОЛОХИ И ГРАНИЦЫ

Исследуются интеллектуализированные типы активности, которые определены как креативистский и коллаборативистский, исключая в данном случае неинтеллектуализированный тип, основной характеристикой которого является своеволие. Рассматривается на некоторых примерах смысловой объем этой типологии и утверждается, что развитие культурных событий идет по пути механистических конструктов и дальнейшего замещения живых энергий роботизированными объектами, которые могут окончательно заменить противоречивую и эмоционально неустойчивую человеческую сущность вполне однозначными процессами управления и конструирования, что вызывает ожесточенное сопротивление в тех стратегиях жизненного сценария, которые предполагают двигаться обратным путем и искать ответы не с помощью моделирования будущего, а в результате реконструирования прошлого. Подается аналогия между культурными сценариями и физическими процессами, которая показывает их теоретическую изотропность.

Типы активности, имплицитно-эксплицитная реальность, конструирование истины, реконструкция (регулирование желаний), деконструкция, каузальность, акаузальность, метафизический конструкт и физические построения

...И когда сам демон зажигает лампы для того только,
чтобы показать все в ненастоящем виде.

Н. В. Гоголь

Человеческое желание не знает границ в отличие от границ мысли. Мысль ограничена эпохально пространственно-временным континуумом при всей кажущейся безграничности, идеальности и вневременности некоторых «вечных истин», присущих человеческому роду в силу его природы как таковому. О таких, собственно, писал Ф. Бэкон.

Мысль рациональна и может быть прагматичной. В последнем случае она подчинена желанию. В период безвременья мысль не имеет последних оснований. Она девальвируется и утрачивает ценность. Ее содержание демагогически размывается множественностью возможных ценностей, которые желание берет на вооружение для своего оправдания. Рациональная мысль отстраненна и сводима. Желание в корне иррационально: «Вера, основанная на желании, является законным, а быть может, и неизбежным средством для достижения истины, поскольку это достижение зависит от нашего личного участия» [1, с. 23], – увещевает У. Джеймс, оправдывая принципы прагматизма.

Однако на основе неведения хотя и может быть достигнута определенная цель, связанная с желанием, она неизбежно вступает в противоречие с законной необходимостью, срывающей видимые покровы ложных представлений. Хорошим примером тут может быть повесть Н. В. Гоголя «Невский проспект», герои которого выдавали желаемое за действительное, видя в объектах своего вожеления диаметрально противоположное тому, что оказывалось впоследствии в действительности. Один из них (Пирогов), видя в молодой особе легкомысленную кокетку, потерпел крушение собственных иллюзий в конечном пункте своего преследования, когда получил тумачков от достопочтенного немца, законной женой которого оказалась

представленная для него как кантовская «вещь для нас» легко порхающая «незнакомка». Другому же (Пискареву) «открылась» в кокошке благовидная барышня, знакомство с которой предвещало ему романтические и вполне серьезные отношения, обернувшиеся разочарованием в благодушно поставленных желанием целях. И Н. В. Гоголь вполне законно сокрушается: «Как странно, как непостижимо играет нами судьба наша! Получаем ли мы когда-нибудь то, чего желаем? Достигаем ли мы того, к чему, кажется, нарочно приготовлены наши силы? Все происходит наоборот. <...> Все обман, все мечта, все не то, чем кажется!» [2, с. 37–38].

Желание связано с прочтением реальности так, как она открывается актору, открывает же она в связи с желанием, которое предопределяет видение. Иными словами, желания конструируют «мой мир», но *не* мир как «вещь саму по себе», т. е. без моего влияния на него – самооткрытие мира возможно только при определенных условиях самоаннигиляции. Наблюдаемое и наблюдатель неразрывно связаны и, если мы уничтожаем наблюдателя, тогда кто нам будет свидетельствовать об этом мире... Иными словами, мы видим мир не таков как он есть, а мир как он открывается нам сквозь нашу включенность в него, в силу нашего присутствия в нем, он вписан в нас настолько, насколько мы вписаны в него.

Иначе почти всегда *конструкция* вступает в противоречие с результатом, т. е. результат не достигается, или превращается в свою противоположность. Тогда результат разоблачает конструкцию, обнажает необходимость, которая становится доступной задним числом и, хотя иногда в восприятии определенных акторов сквозь видимость смутно просвечивает необходимость, понятая как действительность, астигматический резонанс двух потоков (видимого и невидимого) приходит в актуальное соответствие ясного и отчетливого восприятия как значимого события апостериори. В той или иной степени эксклюзивности и у некоторых акторов адекватность полученного результата изначальному желанию осуществляется в восприятии ясно и отчетливо по мере их движения к результату; подобная синхронистичность может быть понята как интуиция, сопровождаемая *силой веры*.

Таким образом, пустоты между побудительной причиной – желанием, формирующим цель, внешним барьером, препятствующим ее достижению, и полученным результатом (удовлетворенным желанием) заполняются той степенью веры, сила которой говорит нам об истинности произошедшего события, – значимое событие совершается, поскольку целевая причина и движущая составляют событие, связка представляет из себя ту онтологическую неразрывную силу прочности, которая стягивает собой и притягивает к себе все неопределенные неоформленные процессы, за счет нее получающие сущностную определенность. «Королеве, чтобы знать, не нужно оглядываться, справляться. Для нее и «логика» особая: кресло является, *потому что* она садится. Обыкновенные же люди садятся, когда есть кресло» [3, с. 179]. Так Л. Шестов интерпретирует слова Протагора о критерии истины «человек есть мера вещей», а именно: «человеку дано творить истину» [3, с. 180]. Однако, чтобы творить истину, человеку, видимо, нужны *особые* способности.

Однако если это так, и если возможна синхронистичность между миром для нас и миром самим по себе, то она достигается вполне прозаично регулированием желания.

Управление желанием мы находим в практиках буддизма, исходящих из общего принципа иллюзии восприятия, основанного на страстях и желаниях, сквозь призму которых предстает реальность как «вещь для нас», но не «вещь сама по себе». И видимый несущий мир Платона противостоит сущностному, невидимому глазами миру идей, постига-

емому внутренним оком мысли. И мир Эдипа, софокло-фрейдистский открывается только тогда, когда Эдип утрачивает физическое зрение, пройдя сквозь перипетии трагедии и реализовав ту программу, которая бала предсказана, которой он вместе с Лаем и вслед за ним сопротивлялся и которая была уготована к реализации всем ходом развернутых событий из точки пространства-времени, в которую в свою очередь собралась и в которой сфокусировалась вся логика предшествующих символически-смысловых рядов; утрачивая физическое зрение, Эдип обретает нечто более платонически устойчивое, метафизически очевидное – он становится ясновидящим. Собственно, любые практики аскетизма, ущемляя телесность, купируют желание к сопротивлению, в частности и желанию как таковому, которое закрывает от человека истинную суть его самого, поскольку он, благодаря желанию видимого, бежит от самого себя сущностного, который сам для себя предназначен для вскрытия потенций и эманаций восприятия мира в самом себе как мира самого по себе, т. е. эксплицитного мира, который имплицитно вписан настолько, насколько эксплицитно представлен. Это касается, конечно, активной аскезы, а не самоуничижающей, чистой актуальности, творящей из чистой потенции, *способности*; не смирения и ущемления ради схождения благодати и не сверхмогущественной энергичности, попирающей пределы ради обретения этой самой благодати. Но срединного пути.

Аналогии:

[(1)] *Дао*, которое может быть выражено словами, не есть постоянное *дао*. [(2)] Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя. [(3)] Безымянное есть начало неба и земли, обладающее именем – мать всех вещей.

[(4)] Поэтому тот, кто свободен от страстей, видит чудесную тайну [*дао*], [(5)] а кто имеет страсти, видит его только в конечной форме. [(6)] Оба они одного и того же происхождения, но с разными названиями. [(7)] Вместе они называются глубочайшими. [(8)] [Переход] от одного глубочайшего к другому – дверь ко всему чудесному [4, с. 15].

В другом переводе, не менее значимым для нас:

[(1)] Постоянный Путь составляется из возможности выбора Пути и невозможности выбора Пути.

[(2)] Постоянное имя составляется из возможности выбора имени и невозможности выбора имени.

[(3)] Отсутствием именуется начальное действие Неба–Земли. Наличием именуется рождение – материнство мириад сущностей.

[(4)] Причинность: Стремление к постоянному отсутствию осуществляет созерцание тончайшей тайны.

[(5)] Стремление к постоянному наличию осуществляет созерцание его внешнего проявления.

[(6)] Эта пара представляет собой общность исхода при различии наименования.

[(7)] Если определить вместе, то это будет непостижимая тайна.

[(8)] Пытаясь проникнуть в эту тайну, придешь только к тайне.

Это врата для появления множества тончайших начал [5].

Итак, явленное *дао* не постоянно – *дао* в конечной форме; имена, которыми именуют явленное, утрачивают свои смыслы. Начало *дао* не явлено, оно отсутствует, наличествует только явное, начало ему мать. При отсутствии желаний и страстей можно созерцать неявное, глубину вещей, при наличии желаний и страстей предстает только явное, как *дао* в ко-

нечной форме. Явное и неявное одного порядка, их попеременное сворачивание друг в друга открывается в созерцании и именуется как переход, в просвете которого открывается, как в просвете бытия реальность в своей невыразимой сущности. В просвете явного и неявного порядка предстает отсутствие отсутствия, наполненное силой присутствия присутствия.

Отчего же одни люди достигают поставленных целей или, во всяком случае, видят мир как он есть в его поступательном разворачивании (экспликации) и сворачивании (импликации), существуя на грани перехода имплицитно-эксплицитной реальности, медиации, другие же остаются в неведении, и перед ними всегда обнажается в своей конечной форме противоположное тому, к чему они стремились или о чем думали?

В аристотелевской картине мира единичные вещи, состоящие из формы и материи, где действительное (актуальное), имеющее форму, и возможное (потенциальное) как мать всех вещей, материя, обладающая способностью сформироваться как из чего-то неопределенного, предстают в соответствии с двигательной и конечной причиной (энтелехия), где конечная причина уже наличествует потенциально; движение разворачивается в цель, раскрывая самое себя в окончательном пределе формы и достигая заложенного в себе результата вне зависимости от желания, если это желание не вызвано разрушением. Иными словами, «способность» должна сама себя знать, чтобы «предвидеть» свое собственное будущее, представая в его форме.

Изначальный постав формирует габитус, и из невидимых и неопределенных «соков» семени, позднее, может быть, наименованных, формируется определенное растение и никакое другое. Определенная постановка тела, верифицированная поза, наработанные навыки обращения с инструментом (кием, например), отшлифованный глазомер, гибкость и т. д. дают возможность игроку в бильярд попасть точно в лузу, поскольку все незначительные, не коррелируемые и неустойчиво-подвижные изменения в общей постановке неопределенно-неосознанного целеполагания также попадают в цель, подготовленную этой поставленной смесью, как она есть, а она *есть* в любом случае в силу *внутреннего схождения* не верифицирующих причин к цели, – однако, никто не желает из игроков, чтобы таковою целью было попадание в борт. Но цель будет достигнута в любом случае, хотя и в соответствии не с нашим желанием, а с тем «правильным» или «не правильным» осознано-неосознанным расчетом и подготовкой, в которой уже будет заложен результат.

Способность должна себя узнать – это залог необходимо творческого результата. В этом смысле платонически-аристотелевская картина совпадают. Чистая форма как чистая актуальность божественного Ума и мир эйдосов отличаются друг от друга только именами: для того, чтобы просветить светом истины иллюзорный мир вещей, т. е. мир, представленный своей неупорядоченной хаотической неопределенностью, надо проникнуться сущностью идей (эйдосов), т. е. определить идеей его путь и закон, утвердить и наделить движение определенным Смыслом¹; чтобы какая либо потенция (возможность) вскрыла свою актуальность (действительность), необходимо знание действительности (формы форм), которая определяет собою и формирует вещи к определенному результату. И здесь имманентность двух философских систем расщепляется отношением к объекту: либо объект имплицитен как эйдос, знание которого эксплицируется припоминанием (анамнезис), либо объект эксплицитен как форма, знание которой имплицитно в сущность. В любом случае – это «бесконечное в границах конечно-

¹ Примером может быть классификация общества, в котором мудрецы (философы), воины и ремесленники надлежало исполняют свои функции согласно своей опознанной способности (необходимости).

го» [6, с. 78], как метафизически останавливает этот процесс Ф. Шлейермахер, чтобы свидетельствовать о том, о чем невозможно ничего сказать определенного.

Однако К. Г. Юнг определенно дает ответ на вопрос истинности решения акторов, и он может быть вполне прост: решение вопроса лежит в функциональной классификации типов личности.

Философия прошлого пыталась найти общие основания человека разными путями и, как писал Г. Гейне, всю философию можно распределить на платоновскую (существует единое, гипостазированное и трансцендированное от многого) и аристотелевскую (единое существует во многом). «Платон и Аристотель! Это не только две системы, но и два различных типа человеческой натуры, с незапамятных времен, во всех костюмах, более или менее враждебно противостоящие друг другу. <...> Под какими угодно именами, но речь всегда идет о Платоне и Аристотеле. Мечтательные, мистические, платонические натуры создают христианские идеи и соответственные символы, черпая их в недрах своей души. Натуры практические, упорядочивающие, аристотелевские строят из этих идей и символов прочную систему, догматику и культ» [7, с. 242].

Собственно, стремление обрести общие основания само по себе есть то общее, те последние основания, которые мы хотим приписать «чему-либо» или «человеку как таковому», опираясь на собственную конструкцию мира – «вещи для нас», на основе которой мы выстраиваем концепцию «вещи самой по себе». «Расколдовал» это К. Г. Юнг в своей теории интроверсии – экстраверсии, распределенной направленности по четырем психологическим функциям: ощущения, чувства, мышления, интуиции, иллюстрируя классификацию примерами философов и философских систем, направлений и школ [8]. В данном случае нас интересует не сама типология, а методологический подход: связь между типом личности и типом мировоззрения. В нашем контексте один человек как определенный тип личности *конструирует мир и творит истину* (и тогда его желания совпадают с целью, которую он сознательно или бессознательно перед собой ставит; и тогда реализацией целей творится новый действительный мир, потенции которого вскрываются, актуализируются освобожденным от пут и привязанностей человеком, отворотившимся от пещеры и увидевшим солнце истины¹), а другой подчиняет себя существующему порядку вещей, регулируя собственные желания в приемлемые формы: раз истина уже найдена, нет необходимости ее искать (что действительно, то необходимо; и мир действительных вещей составляет систему координат, в рамках которых можно ставить приемлемые, практически разумные цели).

Из этих двух подходов вытекает все многообразие социальной, политической, религиозной, художественной и научной проблематики. Креативисты и коллаборативисты (назовем их так), будучи в конфликте, дополняют друг друга: одни создают и ориентируют, другие сохраняют и транслируют, одни – инноваторы/реформаторы – конструируют, другие – традиционалисты/консерваторы – реконструируют². Для одних кредо выражено в словах:

¹ Миф о пещере Платона.

² О третьем неинтеллектуализированном типе, представленном нашими героями, речи мы не ведем. Основной характеристикой данного типа является своеволие и такие качества как зависть, жадность и др. аффекты. Четвертый тип предполагает самоидентификацию – выбор из данного наличия групп, инспирированный тем или иным мотивом. Говоря о типологии, мы исходим из концепции идеальной типологии М. Вебера. В действительности конкретный человек имеет специфический состав, консолидированный из разных типов. Приводя к типу конкретного индивида, мы говорим о доминирующем наборе качеств этого индивида, соответствующем данному типу.

«Тот, кто после того, как найдена истина, продолжает искать чего-то, тот идет лжи»¹ [9, с. 7], что по сути коррелируется с верой Декарта, что мир существует объективно и независимо от человека-наблюдателя, для которого эта объективность основана на том, что мир постоянно воспринимается Богом, аристотелевским перводвигателем, Богом-Умом, и Бог этот есть то первое и последнее основание, связующая причинно-следственная нить, с которым необходимо воспроизводить, сохранять, передавать из поколения к поколению как образец для подражания (миф о вечном возвращении) и, в конце концов, *познать*, не столь важно каким образом: для Декарта – как четко сложенный механизм, функционирующий по определенным установленным богом-часовщиком законам, или как организм, например, для Н. О. Лосского, представленный концептуально «миром как органическим целым», где человек как монада одной своей стороной связан с главной монадой – Богом и причину находит в самом себе, а другой стороной – с этим миром, и связь с другими монадами осуществляет как связь «по поводу» [10]; для других – человек – это активный посредник творческой эволюции Вселенной, а не ее восприимчивый объект; через человека и проявляет себя эволюция, так как эволюция человека является составной частью вселенской эволюции – наблюдаемое и наблюдатель здесь, повторюсь, две вещи неразрывные: наблюдатель самым актом активного видения творит этот мир, т. е. для других – кредо «человек – мера всех вещей», и смысловые совпадения принципа синхронистичности свидетельствуют здесь об акаузальном объединяющем принципе, называемым К. Г. Юнгом еще «магическая причинность».

Принцип синхронистичности вскрывает восприятие таких связей, которые показывают одновременность смысловой эквивалентности разнородных, причинно несвязанных друг с другом процессов. Иными словами, синхронистические феномены показывают, что воспринятое наблюдателем содержимое на бессознательном или сознательном уровне, может быть представлено каким-то внешним событием.

По степени удаленности внешнего события от соответствующего ему внутреннего К. Г. Юнг делит синхронистические феномены на три категории:

1. Совпадение психического состояния с происходящим в момент этого состояния объективным внешним событием, которое соответствует психическому состоянию или его содержимому, в котором не прослеживается причинная связь между психическим состоянием и внешним событием и в котором, учитывая психическую относительность времени и пространства, такой связи не может и быть.

2. Совпадение психического состояния с соответствующим (происходящим более-менее в то же время) внешним событием, имеющим место за пределами восприятия наблюдателя, т. е. на расстоянии, удостовериться в котором можно только впоследствии.

3. Совпадение психического состояния с соответствующим, но еще не существующим, будущим событием, которое удалено во времени, и реальность которого может быть установлена только впоследствии [11].

К. Г. Юнг высказывает предположение, что синхронистические события разворачиваются на фоне одновременного существования двух разных психических состояний. Одно из них является состоянием, которому можно дать причинное объяснение, опосредованное

¹ Из Деяний VII Вселенского Собора.

пространственными и временными характеристиками. Другое – критическое ощущение, причинно никак не связанное с первым, при котором пространственно-временное может быть сведено к нулю, и где причинность исчезает вместе с ним, свертываясь, при этом содержания сознания вступают в унисон внешним событиям. Оказавшись под воздействием импульсов бессознательного, комплексов, вызывающих понижение плато интеллекта, основой которых является архетип, происходит определенное сужение сознания и соответствующее усиление бессознательного за счет эмоционального состояния, которое изменяет пространство и время «сжатием». Из этого имплицитного корня через непосредственное переживание неявного порядка вещей осуществляется моделирование феноменального мира через порождающую явления эмоциональную матрицу.

В связи с изложенным мы имеем сводимые к двум типы религиозности (пророка и адепта религиозного учения), два типа социальности (актера и агента группы внутри социального поля), два типа политической активности (свободного гражданина и зависимого от чужой воли), два типа художественной проекции (творца и приверженца стиля и направления), два типа учености (создателя авторитетной школы и почетного последователя), два типа мышления (инициирующего и классифицирующего) – иными словами, неординарной личности и типичного представителя, творца, субъекта культуры и носителя или верификатора культурных значений, ценностей и норм.

Всполохи и границы как два модуса метафизического конструкта, призыв и сублимированная форма которого составляют принципы развития и движения культурной эволюции, когда устойчивая плотность накопленных форм необходима лишь для того, чтобы обрести ту точку отсчета, с которой в эмоциональном порыве разрушается «видимый горизонт», поскольку в своих непосредственных границах горизонт событий ничем не сдерживается¹. Однако то, что мы сегодня называем постмодернистской ситуацией, разжижает плотность пространства, оставляя метафизические дыры, в которых пропадает живая энергия, – это лишь подтверждает, что развитие событий идет по пути механистических конструктов и дальнейшего замещения живых энергий роботизированными объектами, которые смогут окончательно заменить противоречивую и эмоционально неустойчивую человеческую сущность вполне однозначными процессами, что вызывает ожесточенное сопротивление в тех стратегиях жизненного сценария, которые предполагают двигаться обратным путем и искать ответы не с помощью моделирования будущего, а в результате реконструкции прошлого, завершающейся деконструкцией. Это структурно совпадает с аналогией, которую мы можем привести в целях оправдания изложенного, между культурными сценариями и физическими процессами, когда постулированием горизонта событий Эйнштейн говорит, что попав за пределы одного у энергии и информации нет исхода и, не отменяя эйнштейновский и полагая мнимый горизонт, Хокинг, в случае сокращения которого до определенно малого размера, утверждает, что вся накопленная энергия и материя высвобождаются, хотя и не в той форме, в какой они были поставлены.

Здесь мы уже покидаем пределы метафизики и хотя бы номинально почти входим в пределы физических построений, однако формат возможностей автора не предполагает углубляться в содержание, границы которого выходят за пределы обозначенных компетенций.

¹ Примером могут быть встречные движения Реформации и Контрреформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джеймс У. Воля к вере / пер. с англ.; сост. Л. В. Блинников, А. П. Поляков. М.: Республика, 1997.
2. Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 7 т. Т. 3: Повести. М.: Худ. лит., 1984.
3. Шестов Л. Сочинения: в 2 т. Т. 2: На весах Иова. М.: Наука, 1993.
4. Дао дэ цзин / пер. Ян Хин-шун // Древнекитайская философия: собр. текстов в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1972. С. 114–138.
5. Виногородский Б. Б. Лао-Цзы. Трактат о пути и потенции (Дао дэ цзин) // Антология даосской философии / сост. В. В. Малявин и Б. Б. Виногородский. М.: Клышников, Комаров и К^о, 1994.
6. Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям ее презиравшим. Монологи / пер. с нем. С. Л. Франк. СПб.: Алетейя, 1994.
7. Гейне Г. К истории религии и философии в Германии // Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. М.: Худ. лит., 1982.
8. Юнг К. Г. Психологические типы. СПб.: Ювента; М.: Прогресс-Универс, 1995.
9. Архим. Серафим (Алексиев), Арх. Сергей (Язаджиев). Почему православному христианину нельзя быть экуменистом. СПб., 1992.
10. Лосский Н. О. Избранное. Мир как органическое целое. М.: Правда, 1991.
11. Юнг К. Синхронистичность. М.: Рефл-бук, 1997.

O. S. Borisov

Saint Petersburg Institute of Cinema and Television

FLASHES AND BORDERS

In the article the intellectualized activity types, which we defined as creative and collaborative, are investigated. Not intellectualized type which is mainly characterized by willfulness is excluded in this case. The semantic volume of this typology is examined by some examples and the development of cultural events is claimed to follow the way of mechanistic constructs and further replacement of live energies with robotic objects which can finally replace contradictory and emotionally unstable human essence with quite unambiguous management processes and designing. That causes fierce resistance in the strategies of the life scenario which suggest moving in the opposite way and looking for answers not by means of modelling future, but by reconstructing the past. The analogy between cultural scenarios and physical processes which shows their theoretical isotropy is assumed.

Activity types, implicit and explicit reality, construction of the truth, reconstruction (regulation of desires), deconstruction, causality, acausality, metaphysical construct and physical constructions
